

*Спешит перелетная птица
Родные найти берега,
И путник усталый стремится
На свет своего очага.*

А. Городницкий

В один из летних отпусков я с сыном отдыхал по путевке в ведомственном санатории Норильского комбината «Белое озеро», корпуса которого располагались на берегу водоема в окружении пышных сосен и стройных елей. Чистый, наполненный ароматом хвои и цветущего разнотравья воздух, тишина и покой Мещеры делали наш отдых после долгой полярной зимы приятным и полноценным. Однажды в столовой за соседний столик посадили мужчину с тремя девочками-погодками, старшей из них было около двенадцати лет. Мужчина — крепкий, с бронзовым лицом северного загара житель тундры. От таких за версту пахнет снегом и ветром. А симпатичные, немного стеснительные сестрички, как потом выяснилось, были его дочери. У мужчины не было кистей рук, но он довольно уверенно управлялся ложками-вилками с помощью протезов.

После ужина я взял удочки, и мы с сыном пошли на озеро ловить рыбу. Расположились на нагретом за день деревянном причале. Слабый ветерок шумел в кронах высоких сосен. Мягкий вечерний свет растворял грубые краски летнего дня, размывал дали. От белесой воды — цвет ей придавал белый песок — веяло прохладой.

К нам подошли новые соседи по столовой — коренастый мужчина со своими девчонками — симпатичными националочками, которые что-то весело обсуждали на своем языке. Держались немного отстраненно и независимо, как бы подчеркивая, что они в Дудинке жили и Москву видели, а не только деревню свою Агапу да тундру бескрайнюю.

— Давайте знакомиться! — предложил я и подал руку сначала самой маленькой, и дальше по возрастаню.

— Нягэ, Тубяку, Симбя, — по очереди представились они.

— А как будет по-русски?

— В переводе с нганасанского — Младшая, Пуговка, Курносая... — ответила за всех старшая сестра.

— А моя мама Лена видела в Дудинке Колу Бельды! Он «увезу тебя я в тундру» пел. Вот чья я дочь! — похвасталась мелкая Нягэ.

— Замечательная у вас мама! И дочери у нее красавицы. Это мой сын Александр. Вы пока вместе прогуляйтесь вдоль озера, а мы посидим, поговорим с вашим отцом.

— Василий, — просто представился он.

— Геннадий, — я хотел протянуть руку, но вовремя спохватился, смутился немного, привстал со ступеньки и, показывая на удочку, сказал: — Вот сижу, рыбалю, будто на Севере не нарыбачился.

— Да и меня иной раз тянет, — ответил Василий. — Это как болезнь. Я вот без рук, а у себя в тундре все равно охочусь и рыбачу. Не только на вездеходе приспособился рулить, но и лодкой управлять, и из карабина стрелять — только шуба заворачивается. А сети проверять еще удобнее. Крючками цепляешь, и руки не мерзнут. Жить захочешь, еще не тому научишься.

— А что с вами случилось?

Василий помолчал, нахмурился слегка, вздохнул и рассказал мне свою горькую историю.

СЕВЕРНЫЙ ЭТАП

Его отца, Петра Балашова, капитана-артиллериста, который прошел всю войну, был трижды ранен, арестовали в 1947 году за спетую им в компании таких же бывших участников войны безобидную частушку, которую по доносу признали политически вредной, и определили 58-ю статью. Дали десять лет и отправили этапом в Красноярск. Срок заменили ссылкой, загнали в трюм баржи и через три недели выгрузили вместе с двумя сотнями таких же, как он, ссыльных на пустынном енисейском берегу. Умерших в пути оставляли на безлюдных островах — хищники растащат и в половодье весной река смоеет все следы. Их задачей было снабжение рыбой Норильского комбината, который представлял собой в то время один большой лагерь.

Сначала возвели для жилья времянки и заготовили дрова из речного плавника. Темными холодными ночами неводили они, иногда по грудь в ледяной воде, отгревались у костра, а рыбу солили в больших деревянных бочках и складировали в наспех выбитых в береговом откосе мерзлотниках. Она, эта жирная енисейская рыбка, помогла пережить тяжелую полярную зиму. Их просто бросили умирать на этом далеком северном берегу, с которого бежать было некуда. На севере — Ледовитый океан, а на юг — почти триста верст до Дудинки — пешком не дойдешь. Выжили те, кто мог работать, не задумываясь о справедливости судьбы, а просто ежеминутно боролся за жизнь всеми способами.

Петр, имея военную закалку, был еще человеком веселым и считал, что унынье — грех. Это, наверное, и спасло его полярной зимой в гиблом, забытом богом и людьми месте. Он, выросший на реке Печоре в похожих условиях, организовал бригаду добытчиков, и за короткое время, до наступления морозов и полярной ночи, им удалось добыть, путем устройства загонов, три десятка оленей. Ловили петлями зайцев, куропаток. Жители поселения заготавливали ягоды, грибы, листья брусники, смородины, которые могли помочь при болезнях. По открытой воде к ним из Караула, где в войну открыли рыбозавод и даже выпускали консервы, два раза приходила самоходная баржа. Забирали бочки с соленой рыбой, а взамен оставляли муку, соль, спички и еще те немногие товары и вещи, что выделялись высланным преступным элементам в голодное послевоенное время.

К зиме, которая была не за горами, а за соседними холмами, успели поставить бараки. Посередине установили печки, изготовленные из железных бочек, и обложили для сохранения тепла речным камнем. Стены утеплили торфом и мхом, присыпали землей. Не забыли про баню — первое средство против хвори — теле-

снот и душевной. В выходные, чтобы поддержать униженные и скорбные души поселенцев, устраивали концерты. Играли кто на чем горазд. В ход шли ложки, самодельные дудки, чудом уцелевший аккордеон с перламутровыми клавишами. Пели песни, вспоминали прошлую жизнь и мечтали о будущем.

В ноябре наступила полярная ночь. Мороз сковал реки, озера, землю, и даже воздух превратился в сгусток кристаллов, при вдыхании он раздирал своими колючими шипами горло и легкие. Ледяной ветер, от которого на открытом пространстве не было защиты, сровнял берега реки и засыпал наспех построенные бараки по самые трубы.

К Енисею набили тропинку и возили на санках воду. Прорубь приходилось поддерживать постоянно, обкалывая намерзающий по краям лед. Заодно проверяли закидушки-тычки на налимов. Иногда попадался толстый «дядька» около пуда весом, и приходилось раздалбливать лунку, чтобы его протащить. Эту пузатую, большеротую рыбу называли кормильцем, так как благодаря налимам — единственное, что удавалось добыть в этой арктической пустыне — многие выжили в эту долгую зиму.

В пуржливом и голодном марте по льду реки к поселку подъехал аргиш из пяти оленьих упряжек. На нартах сидело человек десять бойцов «вохры» с автоматами, в одинаковых серых тулупах и валенках, подшитых транспортной лентой. Лица их были обожжены ярким мартовским солнцем до медной красноты. С ними ехали трое проводников-каюров из местного населения. Этот отряд прибыл из Норильска. Дело в том, что осенью по Северному морскому пути был отправлен караван судов с оборудованием для Норильского комбината. Из-за рано наступивших холодов суда вмерзли в лед в среднем течении реки Пясины, и директор комбината В. Зверев, заменивший на этом посту А. П. Завенягина, приказал во что бы то ни стало спасти важное для производства оборудование. В поселке отобрали пятьдесят ссыльных, в их число попал отец Василия, и на следующий день этап вышел по направлению к истоку реки Агапы. По ее руслу им предстояло дойти до места ее впадения в реку Пясины. Потом пятьдесят километров вниз по течению до места зимовки судов, там обколоть лед и не дать половодью их раздавить и угробить оборудование.

Первую неделю, пока были силы, шли ходко и преодолели половину пути. Охрана стреляла непуганых зайцев. Куропаток было тоже много — они белыми шариками облепляли береговые кусты. Потом загуржило, намело свежего снега, идти стало тяжело, олени выбивались из сил, а люди вынуждены были топтать дорожку: они постоянно менялись друг с другом, их ветхие одежки продувал ветер, обжигая как огнем исхудалые тела. Все чаще останавливались на отдых. В тридцати километрах от поселка Агапа этап настигла беда. Сначала посерело низкое небо. Солнце превратилось в расплывчатый желток. В воздухе повисла мутная пелена. Снег пришел в движение, и по краям береговых наддувов появились белые крутящиеся вихри. Черная мгла стала затягивать горизонт. Проводники остановили оленей, замахали руками и закричали:

— Берег! Скорей копай ямы, надо прятаться! Пурга идет. Черный пурга!

Мало кто на белом свете знает, что такое черная пурга. Это снежный ад, дикая метель и жуткий холод! Местные жители, нганасаны, почувствовали на уровне древних инстинктов, что приближается черная напасть. Только они знали единственное спасение — это зарываться в снег. Но долго без пищи и огня в этом снежном плену не выдержать. Под ветреным высоким берегом кое-как успели поставить палатки, за ними спрятали оленей, и тотчас снаружи потемнело, загудело, будто стаи волков, завывая и рыча, понеслись по тундре в бешеной скачке. Все заносило снегом, и не было сил сопротивляться этой губельной стихии. Температура упала до минус тридцати градусов. Люди без света, пищи и тепла мерзли в своих ледяных пещерах. На третий день, оставив под снегом пять замерзших ссыльных,

этап двинулся дальше. Пережив вместе со всеми ужасы полярной пурги, охрана до конца этапа больше не была, не кричала на подневольных — на краю земли и жизни все равны перед богом и судьбой.

Увязая по пояс в снегу, полуживая цепочка людей растянулась по еле угадываемому среди мутной белизны руслу реки. И опять зазвучала бесприютная, наводящая тоску песня полярных странствий — хруст проморозенного снега под полозьями нарт да вой ветра. Поземка заметала следы, и скоро олени, повозки и люди исчезли, растворились в снежной круговерти, как будто их здесь никогда и не было.

Через неделю дошли до поселка. Бесформенное месиво полуживых людей с серыми лицами молча и медленно, как поздний ледоход с грязными и ноздреватыми льдинами, текло по руслу реки. Местные жители очень испугались, увидев такой необычный аргиш. В поселке «гости» отдохнули неделю, оставили больных, в том числе отца Василия, пополнили запасы, поменяли оленей и ушли по реке Пясины на север. До ледохода успели отдолбить у бортов лед, закрепить тросами суда, а более ценный груз перетаскать на берег. В середине июня встретили паводок. Из Норильска пришел катер, зацепил баржи на буксир и к августу притащил на Валек драгоценный груз. Из этого ледяного похода вернулись тридцать человек. Жизнь людская стоила тогда дешево: стране нужны были другие ценности — медь, никель, золото, платина...

Петр Балашов долго болел, но за лето набрался сил и уже осенью наравне со всеми выполнял обычные для тундровых поселков работы. Через три года женился на такой же, как он, ссыльной, а еще через год появился на свет Василий. В 1955 году была большая амнистия, судимость сняли, и многие ссыльные, которые зимогорили у черта за полярным кругом и не освободились досрочно через погост за поселком, уехали к себе на родину. На материке у Петра никого не осталось, да и Север ему нравился. Здесь жили и работали простые, открытые, готовые всегда прийти на помощь люди. Пленила его неброская, но какая-то пронзительная северная красота, океанская бескрайность тундры и, главное, воля — то, чем он особенно дорожил после своих горьких и незаслуженных бед и несчастий.

Сын Василий по мере взросления все больше походил на отца — несуетливый, упорный в труде, он рос помощником в охоте и рыбалке. Жена Петра работала на приемке и переработке рыбы, которая не заканчивалась ни зимой, ни летом. После школы Васю призвали в армию. Служил недалеко от Дудинки в военной части у озера Боганида. Командиру пришлось по душе трудолюбивый, рассудительный призывник с северной фактории. Ему быстро нашли работу по душе — он ловил в озере рыбу, пополняя скудное солдатское питание, заготавливал ягоду, грибы, которых осенью в окрестностях части хоть косой коси. С разрешения начальства выезжал на вездеходе охотиться на оленей в район слияния Ергалаха и Дудинки.

Мать с отцом, будучи по делам в Дудинке, захвали в часть навестить сына. Прогулялись по высокому берегу озера, посидели в уютной армейской беседке, украшенной резьбой, которую выполнял Василий и за которую получил от начальства благодарность и разрешение проводить родителей в аэропорт. В Дудинке мать с отцом купили новый снегоход, и сын помог загрузить его в вертолет.

После армии вернулся в свой родной поселок без сожаления, хотя ему предлагали продолжить службу. Чтобы стать настоящим тундровиком, надо знать и уметь очень многое. Он уже неплохо разбирался в технике. А это снегоход, вездеход, лодочный мотор, дизель-генератор, бензопила, разнообразный электроинструмент. В свои двадцать лет Василий научился добывать, разделять, сохранять добычу. Умел ловить рыбу сетями, неводом, удочкой, спиннингом. Со льда, с берега и с лодки. Сам солил, вялил, коптил, жарил и варил уху из рыбы, делал юколу и строганину. Ориентировался в тундре без компаса, не хуже местных жителей. Хорошо стрелял из гладкоствольного и нарезного оружия. Ходил на лодке, водил машину,

мотоцикл. «Только на ракете в космос пока не могу. Но если подучиться, то и это освою!» — шутил Василий.

На первое время, чтобы заработать «своих» денег, устроился в бригаду по отстрелу оленя и всю осень, пока шел олень, работал на точке Мукулай. Бригадирил у них опытный мужик по фамилии Тунда. Звали его все Валера Тундра, был он характером крут, но справедлив, как в дележке денег, так и в разливе спирта — ежедневную дозу которого выделял в оздоровительных целях всем без исключения. Когда оленьи стада переправлялись через реку, охотники на моторных лодках вели отстрел на воде, а туши сплавляли на базу, где лебедкой вытаскивали на берег, разделявали и складировали в мерзлотник.

Василий сдружился со своим напарником, одногодком из Кайеркана, Саней Близнюком. Работал он на «НМЗ», а летом брал отпуск и уезжал на «отстрел». За сезон Вася получил около четырех тысяч еще советских рублей, что по тем временам составляло годовой заработок рабочего комбината. На эти деньги приобрел оружие, заключил договор с Госпромхозом, получил от отца охотничий участок на речке Агапе и занялся промыслом.

Первый сезон Петр помогал сыну освоиться на своей территории, а уже следующий сезон Вася провел самостоятельно и свое звание тундровика подтвердил, добыв три сотни песцов. Но в жизни, как и в судьбе, — все переменчиво и непредсказуемо. Летом тяжело заболел и ушел в мир вечных охот отец, а осенью Василий похоронил рядом со свежим еще бугорком свою маму — добрую и заботливую до последних нелегких своих дней. Посидел осиротевший сын у родительских могил до позднего вечера, пока не появилась на кончике хвостика Малой Медведицы Полярная звезда, поразмышлял о жизни. «Горе работа переборет», — гласит старая поговорка. Осень и зиму он почти безвылазно провел на своем участке. Выехал только на Новый год и перед отъездом в тундру познакомился с новой приемщицей пушнины — Леной. Ее родители, нганасаны Порбины, родом из Волочанки. Она рано осталась сиротой. После школы окончила курсы в Дудинке и приехала в Агапу работать. Вечером он проводил ее до общежития, где ей выделили комнату, а наутро вернулся к себе на точку.

Лена сразу запала в его одинокую душу и заполнила ту пустоту, которая осталась после смерти родителей. В ней была неуловимая схожесть с его мамой — в интонации голоса, в теплом взгляде таких же карих глаз. Ведь не зря говорят, что сын выбирает себе невесту, похожую на свою мать.

Весной, закрыв сезон, Вася прямо на снегоходе с заметными снегом санями на прицепе и собакой Кучумом лихо подрулил к приемному пункту. Собрал в охапку добытую пушнину, завалился в контору и выложил всю добычу к ногам удивленной приемщицы.

— Это тебе. Жду вас в гости! — промолвил он. Застуженными губами изобразил улыбку, смутился и выскочил как ошпаренный на улицу.

До вечера оживлял свой дом: прибрался, привез и накипятил воды, устроил стирку, привел себя в порядок. После трех месяцев, проведенных на промысле, все пропахло псиной, шкурами и рыбой. Сходил в магазин, купил самых дорогих конфет, шампанского и женские тапочки. Вечер прошел при свечах, музыке, в тепле, понимании и согласии. На следующий день Лена переехала к нему. Она выросла в небольшом северном поселке Волочанка, появившемся в XVII веке на месте «волока» между реками Хетой и Пясины. Жили с родителями в небольшом деревянном домике с окнами на Хету. Она любила ее заснеженные берега, веселое половодье, светлые дали полярного горизонта. Нравилась людям — неторопливые, отзывчивые, добрые дети тундры. В загазованном городе, с его серыми коробками домов и заводов она не смогла бы жить и поэтому сразу после учебы согласилась

на предложенную ей работу в Агапе. Через месяц они поженились, а к Новому году родилась курносая девочка, которую назвали Симбя. Лена и Василий были на седьмом небе.

«Наверное, наше счастье зависит от наполняемости души любовью к детям, суженым, родителям, внукам, друзьям, работе. А крепость счастья дает оболочка, состоящая, «по Пушкину», из покоя и воли. Утрата спокойствия и свободы влияет на внутреннее содержание жизни, а уменьшение любви заставляет нас страдать». Так думал Василий, отдыхая в избушке после дневного объезда путика. Он крепко осел на своем участке, вкладывал все свое умение, трудолюбие в нелегкий запольярный промысел. Протянул путик к Пуринским озерам. Добывал песцов, оленей, ловил рыбу. Пристроил баню и теплый сарай для снегохода. К их с Леной радости через год появилась еще одна дочка, а год спустя — третья.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Заработанные нелегким трудом деньги Вася на семью не жалел, заботился о детях, любил жену и смело, как все советские люди, смотрел вперед. Но вот пришла перестройка, и они стали никому не нужны, страна превратилась в баракхолку, где «миллион меняют по рублю». И «пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю!» — вещал прозорливый бард. Многострадальный народ наши «заботливые» правители в очередной раз (не прошло и ста лет) развернули в обратную сторону — от светлого коммунизма к счастливому капитализму. Как олени мигрируют весной на север, а осенью на юг, так и обманутые россияне побрели неизвестно зачем и неизвестно куда. А по пути на закланье их, как бесправную скотину, начали отстреливать, давить самолетами и травить химией, а в виде приманки выкладывали американские окорочка и китайский ширпотреб.

Круто обложили жителей Северов. Деньги обесценились. Работы не стало. Вывозить мясо и рыбу стало невыгодно, а на пушнину не было спроса. Слабые спились, умерли. Выживали кто как мог. Его отец часто повторял: «Трижды будь проклят Север — я жить без тебя не могу!» Запрягся тогда Василий и потянул семейное ярмо с той силой, ответственностью и умением, которые достались ему от работающих и мастеровых предков-насельников, что всю Сибирь прошли и Севера освоили. Таймыр не название болезни, а дом родной, в котором им суждено было родиться, жить, растить детей. Потратив остатки своих накоплений, выкупил вездеход ГТТ, отремонтировал его, собрал по берегам рек бесхозные, оставшиеся после развала Госпромхоза бочки с соляжкой и стал поставлять в город мясо и рыбу. Оленя, как ласково называл он жену, помогала как могла.

Однажды в ноябре собрался Вася на охоту в верховье Агапы, где еще оставались небольшие стада «дикаря». Хотел обернуться за пару дней. Вся семья вышла проводить. Вася улыбался, шутил. Говорил, что заказ на оленину из города поступил, обещал к Новому году всем подарки. Жена его Лена, предчувствуя своим женским сердцем тяжелую дорогу, прижимала к себе детей и тихо шептала: «Паси тебя бог, паси и сохрани...» Василий поцеловал жену и дочек, лихо вскочил в прогретый вездеход, где его ждал верный пес Кучум, и, гремя траками, укатил за поселок.

Он ехал по льду реки, а когда увидел на снегу олени следы, свернул по ним в тундру и через полчаса догнал стадо. У него был карабин СКС — надежный, неприхотливый и безотказный. Стрелял с трехсот метров, уложил десять рогачей, а потом добрал еще несколько подранков. Быстро разделал добытых оленей, загрузил в вездеход и погнал в обратный путь. Темнело, поземка мела поперек русла реки. По сторонам мелькали берега с редким кустарником, а поверху, белой

крышей закрывая небо, несло снеговую кашу. ГТТ шел, как по тоннелю. Стараясь вписаться в русло реки, Вася ожесточенно дергал рычаги машины. Навалилась усталость трудного дня от работы на морозе и управления тяжелым вездеходом. Он рассчитывал выбраться в поселок до темноты. Чтобы подбодрить себя, запел: «Из-за острова на стрежень...»

Вот этот стрежень его и подвел. Заметенную снегом промоину, какие бывают на быстрых реки, Василий не заметил. Да и как углядеть предательскую полынью в такой круговерти снежного бурана. Тяжелый, груженный тягач завалился сначала на правый бок, что и спасло водителя. Он открыл дверцу, шуганул наружу собаку и выскочил на лед. Машина, пузырясь, ушла под воду. На поверхности остался торчать только полузатопленный задний борт. Видя, как рушатся его надежды привезти добычу домой, Василий бросился вытаскивать на лед туши оленей. Руки без рукавиц быстро скрючило от мороза и ледяной воды. Хорошо, что надел унты на волчьем меху, подаренные ему командиром вертолета, который аварийно приземлился на берегу озера Таймыр, где Василий рыбачил, и промысловик помог вертолетчикам добраться до жилья. Не зря в Писании говорится — добро всегда к тебе вернется. Ветер усилился, и надо было искать спасение. Он побрел под берег, вырыл в снегу углубление, прижал к себе собаку и провалился в темноту. А снаружи белые косари заполярной метели неистово гребли и скирдовали высокие сугробы, обрекая все живое на погибель.

Василий не знал, сколько времени он провел в пещере. Ветер снаружи ревел, как в преисподней, выравнивая снежную пустыню. Когда в очередной раз очнулся, то понял, что пурга закончилась. «Не дойти до поселка, не выбраться из этих снегов», — обреченно подумал Василий, ногами пробил в снегу дыру, вытолкнул собаку и прохрипел: «Кучум, домой! Домой, Лена, Лентя!» Собака выскочила на снег, поскулила и нехотя, постоянно оглядываясь, побежала в поселок. К вечеру, весь в куржаке, с замерзшей пеной у рта, Кучум поскребся в дверь. Лена сразу поняла, что с мужем случилась беда. Быстро собрала теплые вещи, взяла ружье, бутылку спирта, наказала детям из дома не выходить.

Их «Буран» был сломан — не было денег на ремонт, а хороший снегоход был только у Степана-хохла, мутного мужика, который остался жить в поселке после отсидки в лагере. Осудили его за службу в бандеровской организации ОУН. Ненависть к советской власти сменилась на затаенную злобу ко всем. Его презирали в лагере и здесь недолюбливали за то, что «шакалил» в тундре: вынимал из чужих ловушек песцов, воровал мясо, втихаря таскал рыбу из чужих сетей. Бил из «мелкашки», которую носил на шее, как автомат «шмайсер», птицу и зверя в любое время года, был пакостлив, завистлив, а во мраке своей недоброй души всегда считал себя непобежденным и ждал возврата к прошлому. Он держал пару свиней, отгородил им угол в своей барачной комнате и от такого соседства пропах навозом до ногтей. Водку не покупал, а гнал самогонку. Пил сам, закусьвая салом, и спаивал за деньги, шкуры и грязные утехи местное население. Однажды его, по указу борьбы с пьянством, арестовали и отправили вместе со стиральной машинкой, которую он приспособил для быстрого приготовления браги, в Дудинку. Там оштрафовали и посадили на пятнадцать суток. Вернулся он с маленькой злобной собачонкой комнатной породы, которую не выпускал из рук. Назвал он свою прелесть Хвалыной.

Лена оставила вещи и ружье во дворе и зашла в его хату. Степан сидел за столом с граненым стаканом в одной руке, в другой держал свою шавку и под ее завывание пьяно выводил:

*Стоит гора высокая
Попид горою гай, гай...*

Его маленькие пороссячы глазки на красной от выпитого самогона роже сузились, и пухленькие, свернутые в трубочку губы просипели:

— Що треба?

— Вася пропал! Дай снегоход.

— Це ж добре. Даш на даш! — с гнусной ухмылкой произнес Хохол.

— Я те шас дам! Так дам, что роза твоя будет на задницу похоза! — сверкнув глазами, ответила Лена, выскочила за дверь, схватила ружье и, наставив в лоб «недобитому бандеровцу», — как звали Степана в поселке, твердо, по-мужски сказала:

— Ключи!

Степан, прикрывшись собакой, бросил ей связку ключей и завопил своим тонким, гнусавым голосом:

— Я тебе посажу! Люди добри, грабують и вубивають чесноу людини! — Но сразу заткнулся, вспомнив свое лживое прошлое и дерьмовое настоящее. На улице утробно рыкнул «Буран» и, мелькнув желтым светом в окне, исчез в ночи.

Лена направила машину вверх по руслу реки, куда уехал ее Вася. На снегу еще можно было разглядеть рубчатый след гусениц вездехода. Стылая луна мчалась среди холодных облаков, как белый песец по выюжным сугробам, ныряла и пряталась ненадолго в снегу, не обгоняя снегоход и не отставая от него. Бледные тени на синем покрывале тундры мелькали по обоим берегам, и рассеянный свет луны помогал Лене гнать машину, не теряя скорости, по утрамбованному пургой руслу Агапы. В одном месте реку пересекли следы волчьей стаи. Она прибавила газу и за очередным поворотом заметила впереди на льду черное пятно. Сбросила скорость, Кучум кубарем скатился с саней на снег, припустил к берегу и стал яростно, с подвывом, разгребать сугроб. Лена, не глуша снегоход, кинулась помогать. В свете фары, в открытой ими пещере она увидела скрючившегося от холода Васю. Он лежал засыпанный снегом, и ему казалось, что выглянуло солнце и по золотистому лучу идет к нему его Лена, в нарядной песцовой шубке, в вышитых бисером унтайках, улыбается, протягивает к нему руки. И тепло стало от этой улыбки, солнца и розового снега. Рядом вилял хвостом Кучум, и Василий явно ощутил на своем лице теплое дыхание и шершавый язык собаки. Хотел позвать, но только хрипел и тянул к ним руки. Сознание вернулось, и он услышал, как жена говорила: «Зывой Вася! Зывой! Сейчас вытащим тебя!» Откуда силы взялись у этой хрупкой женщины. Когда она с трудом перевалила его в сани, укутала, влила полкружки спирта, растерла руки, Вася, показывая на вездеход, прохрипел: «Лени, лени...»

— Да здесь я, Вася, здесь. — Она думала, что ее зовет, а когда поняла, что это он об оленях добытых вспомнил, сорвалась тогда Лена. Впервые в жизни выругалась по-мужички и заорала на него: — Да серт с ими, оленями, сють себя ни сгубил и деток сиротками не оставил. Пропади они пропадом!

Газанула на всю катушку и погнала «Буран» с санями в поселок к детям, которые чуть кормильца не лишились, хоть и понимала, что от нужды проклятой рисковал Василий — ради них готов был зубами тундру рвать, лишь бы жили они по-человечески. Сколько охотников да рыбаков сгнуло в белом безмолвии, замерзло в тундре, сторело в балках, утонуло в реках и озерах. Только стылые звезды, северное сияние да тундровые духи знают, где остались они лежать. Неупокоенные души их бродят сполохами над родной тундрой, подсвечивая дорогу к дому одинокому путнику...

Судьба и на этот раз смилостивилась над Василием. Быстро прилетел санрейс — он шел из Хатанги, где забирал обожженного сварщика, у которого взор-

валась емкость из-под солярки. В аэропорту Алыкель пересадили на ближайший рейс в Красноярск. В краевой больнице сделали операцию. Кисти рук пришлось ампутировать. После операции оставили на три месяца выздоравливать.

В травматологическом отделении лежал свезенный со всего края покалеченный народ: без глаз, без рук, без ног, обмороженные, обожженные, увечные, перевязанные, забинтованные, с палочками, на костылях и каталках. Был этот контингент жизнью тертый, бывалый, не лыком шитый, не валенком битый и не пальцем деланный. Когда вся эта «раненая команда» выходила после обеда на площадку перед больницей, зрелище было такое, что хоть плачь, хоть смейся. Никого наша жизнь «хорошая» не щадит — только успевай поворачиваться, кроет, как козырной картой, бедами и потерями — да все без меры, побольнее старается зацепить; время и место не выбирает, бьет наотмашь тех, кто добрее, беззащитнее. И чем народ русский Бога прогневал — что уже больше века длятся его страдания? Наверно, веру потеряли, вот и отвернулся от нас Всевышний...

По вечерам, разгоня хвори и больничную тоску, рассказывали смешные и трагичные истории из своей жизни. Многие из этих «тертых калачей» знали их несметное количество. Начудили они по жизни, да и она по ним не босиком прошлась. Был радиотехник из аэропорта Валек Витька Колтачихин по прозвищу Косач. Заряжал на весеннюю охоту патроны, по старинке забивая в гильзы «жвелело» молотком. Капсюль рванул и выбил правый глаз. Витя все сокрушается — как с левого плеча теперь стрелять будет. Из Хакасии мужика привезли обмороженного. Он два дня на дереве просидел — от волков отстреливался из «тозовки». Так и прозвали его Малопулкой. Жора, охотник из Абазы, попал в медвежий капкан. Спас его дружок, возвращавшийся с промысла. Еще одного, с ранением в грудь, привезли из Кайеркана, где его пырнул ножом поймавший «белочку» дружан, — ему почудилось, что тот вживил ему в голову радиостанцию и следит за ним.

Вася про себя не любил рассказывать — грустил он по жене и детям, переживал, как они там без него. Немного поправившись, чудом дозвонился через земляка Колтачихина, по его аэрофлотским каналам, до Агапы. Витя держал трубку у уха Василия, а Жора-медвежатник набирал номер телефона. Вся палата собиралась смотреть на этот номер, как на концерт их земляка Хворостовского по телевизору, а главное, с сочувствием и без обидных насмешек. А когда ходил в туалет, то шутили, что крючок на протезе надо подбирать по размеру, а то «инструмент» не поднять, не направить. С хорошей, доброй шуткой и болеть им легче было, и выздоравливать быстрее. Некоторые, поправив здоровье да отъевшись на казенных харчах, норовили ухлестнуть за медперсоналом, прижать болезную из соседней палаты в темном углу, а то и сгонять в ближайший гастроном за бутылочкой. Но многие томились больницей, тосковали по дому и досаждали докторам вопросами о выписке. Тоски в глаза, ошпаренные холодами и просветленные полярным солнцем, добавляла весна, что по-сибирски резко накатила на город свежим запахом берез, одела кусты и деревья в зеленые платья, наполнила пыльный больничный двор веселым гомоном птиц и сжала своей теплой ото сна рукой бродячую душу Василия. От всего этого внутреннего и внешнего несоответствия — возрождения природы и немощи своей — подумал: «Ну кому я нужен такой. Вот пойду сейчас и брошусь с моста в Енисей!»

А утром получил письмо от Лены из Агапы с рисунками от девчонок, где они изобразили его на охоте, на рыбалке, а младшенькая Нягэ нарисовала под северным сиянием всю их семью, собаку Кучума и кошку Мусю. Когда он увидел себя на рисунке, обнимающего Лену и детей, первый раз в жизни заплакал и, вытирая рукавом скупые слезы, понял, что дороже их у него нет никого на свете. Знал, как тяжело сейчас придется Лене с тремя детьми. Испокон на Руси женщины несут

свой вечный крест, заменяя умерших, заболевших, пропавших своих мужиков. Родители их такого горя хлебнули — горше не бывает. Сколько семей, брошенных выживать, сами для себя добиваются благополучия без оглядки на свою Родину, которая за последний век столько несчастий, войн и бед перенесла. Вот и рвут жилы, чтобы были обуты, одеты, накормлены и здоровы дети и внуки.

Как-то соседу по палате передали летевише в отпуск знакомые пакет с копченой северной рыбкой. Вечером собрались друзья по несчастью и под бесконечные разговоры о рыбалке и анекдоты устроили себе маленький праздник. Над одним анекдотом они так громко и заразительно смеялись, что прибежала даже дежурная по этажу.

«Чего ты такой грустный?» — спрашивает рыбак рыбака. «Понимаешь, когда я хожу на рыбалку, мой сосед ходит к моей жене». — «А ты пробовал не ходить на рыбалку?» — «Пробовал. Тогда он ловит мою рыбу!»

Вася тоже изловчился съесть кусок. Рыбий жир растекся на половину страницы газеты, где лежала рыба, а на другой половинке он заметил стихотворение, написанное учителем из Волочанки Терехихиным. Называлось оно «Любимой».

*Моя Полярная звезда,
Мое арктическое счастье,
Сияний северных мечта,
Ты — теплый чум в пурге ненастья.
Твои глаза — янтарь с глубин,
Твои черты — резьба умельца,
Твое тепло — оленя тыын*.
Потомок ты не земледельца.
В моей душе цветут жарки.
Полярный день всегда со мною.
Я обниму тебя сильней.
Пусть каждый миг пройдет с тобою.*

Когда Вася прочитал эти простые, немного наивные, но искренние строки, горло его сдавил комок, а на глаза навернулись слезы. Он вдруг понял израненной душой, что эти пронзительные стихи мог бы адресовать и своей жене Лене! Как смог, зацепил эту газету, спрятал в карман и, извинившись, ушел к себе в палату. Ночью не спал, лежал с открытыми мокрыми глазами на измятой в комок серой больничной подушке и повторял про себя эти чудесные стихи. Утром, после завтрака и обхода врачей, позвал своего друга Виктора и попросил переписать стихотворение на открытку «С 8 Марта!», вложить в конверт вместе с белоснежным, как куропачий пух, цветком черемухи и отправить его жене в Агапу.

В последний день пребывания в больнице устроили проводы Василия. Послали гонца за бутылочкой винца, принесли закуску из столовой, налили в граненые стаканы по «Марусин поясок», пожелали друг другу здоровья, обменялись адресами, а утром из аэропорта «Северный» вылетел Василий в Норильск, а оттуда — в Агапу. Попутчик, с которым летел из Красноярска, оказался священнослужителем церкви «Всех Скорбящих Радость» в Норильске и подарил Василию икону Божьей Матери.

Лена наготовила к празднику пельменей, нажарила рыбы, графинчик спирта на бруснике припасла. Чувало женское сердце, что муж вернется восьмого марта. Так и получилось. Вася зашел в комнату и, смущенный такой встречей и вниманием,

* Тыын — дыхание оленя (долганский).

присел на краешек табурета. Потянулся к сумке, чтобы достать подарки, и никак не мог зацепить замок — железный крючок его протеза только скользил по молнии. Дети сидели и настороженно наблюдали за неловкими действиями родителя, и только самая младшая из девочек встала и, как на утреннике, звонко сказала: «Давайте радоваться!» Потом все кинулись к нему, стали обнимать, что-то щебетать, делиться новостями, помогли открыть сумку и достали подарки. Кучум от радости намочил половик — так соскучился по хозяйну. А веточки вербы с пушистыми желтыми почками он подарил Лене. Она смутилась, покраснела — ведь ей никогда не дарили цветы — и стала еще краше прежнего. Вербу поставила в банку с водой, стала всем накладывать еду, налила в рюмки и сказала:

— Слава богу! Вернулся наш Василек, значит, все будет хорошо!

Девчонки захлопали в ладоши, расслабились и почувствовали, что семья снова вместе. А как не радоваться — кормилец, хозяин в дом вернулся. После ужина они все вместе уселись на диван, и Лена затянула свою любимую песню, муж и дети подхватили, и в светлой заполярной тишине зазвучала мелодия:

*Далеко далеко за морями
В ясные безоблачные дни
Птицам снятся северные гнезда,
Где когда-то выросли они.
Птицам снятся северные реки
И леса, укрытые зимой;
Потому, наверно, отовсюду
Птицы возвращаются домой...*

М. Матусовский

У нганасанов есть хорошая поговорка: «В плохую погоду надо держаться steady». Василий улыбнулся, поцеловал жену, детей, крепко обнял и прижал их к себе.

ЭПИЛОГ

В апреле затонувший вездеход помогли достать из реки геологи, что проезжали через их поселок. Васины друзья обкололи лед и двумя тракторами выволокли ГТТ на берег, а потом отбуксировали в поселок. Оленей растащили волки и песцы, а что осталось под водой, пошло на корм налимам. Пока Вася «прохлаждался» в больничке, прилетел на вертолете участковый и по заявлению Степана забрал ружье. Хорошо, хоть дело не завели. Карабин Василий достал из спасенного вездехода, разобрал, почистил, смазал. Вездеход тоже восстановил. Помогали ему такие же охотники, как он.

На День Победы была у них традиция выходить к скромному, сваренному из листового железа со звездой наверху, памятнику воинам, ушедшим на Великую Отечественную войну. Располагался он перед клубом на высоком берегу реки. Они давали трехкратный залп. Председатель поселка говорил речь. Поздравляли ветеранов войны, которых с каждым годом становилась все меньше. Когда расходились по домам, поравнялись с избой Степана-хохла и услышали его застольную песню:

*Заколов Степан свиню, кличе дівку молоду.
Привід має — свіжа шкварка, а до шкварки — повна чарка.
Свині, свині, кабани, добрі поросята,
Жити з ними можем ми, свиней треба мати...*

Васька-афганец, обращаясь к друзьям, зло сказал:

— Ну че, мужики! Пойдем бандеру брать!

— Дерьмо не трогай — оно не воняет! Еще об эту сволочь руки марать — сам подохнет, — сказал Василий.

— Коту бля, маука габа! — презрительно выругался латыш Виля. Его отец до сорок восьмого года воевал в «лесных братях» и бандеровцев не любил за их подлую натуру, продажность и за то, что не жалели ни детей, ни стариков.

— А он, будь его воля, всех нас здесь грохнул бы! Ему это как два пальца об асфальт! — гнул свое «афганец».

— Не будет у таких, как он, ни воли, ни будущего, — добавил Василий.

Когда мужики с ружьями прошли, Степан вылез из своего логова и примостился на завалинке с солнечной стороны барака. Сидел и смотрел перед собой водянистыми, как у налима, глазами, сплевывал шелуху, оставляя на своих толстых губах молочную кашу от нажеванных с обезьяним проворством семечек. Мимо проходила Петровна, разбитная продавщица поселкового магазина. Она остановилась у калитки, покачала головой и с укоризной сказала:

— Ты че, Степка, душа с тебя вон, жрешь ханку, как баклан! Не тебе седня гулять-пировать. А то не ровен час...

— А то ж? Пыть надо так, шоб воши на голове лопались. А шо не сдохнут, мабуть, моя Хвыля схамает!

— Совсем уже мозги пропил! Хохлы твои, вон че творят — Бандера у них главный герой! Наши памятники военные порушили. Скоро на Украине твоей, незалежалой, будут, как в войну, людей убивать да жечь. Забыли все! Покаянья нет, вот и катимся куда в яму. А ты гужбанишь здесь почем зря, налиим ты обмороженный! — плюнула она в сердцах, пнула озлобившуюся на нее Степкину собаку, которая, по бандитской привычке хозяина, норовила сзади куснуть, махнула с досадой рукой — что, мол, с этого недобитка взять — и ушла открывать лавку. У людей все-таки праздник!

Тихо зазвонил колокол на временной часовенке, под которую приспособили заброшенную будку бывшего аэропорта. Медный перезвон грустно растекся по поселку и растаял в северной небесной синеве. То ли в душе заблудшей что-то шевельнул этот вещий звук, то ли переполнил он чашу грехов, отмеренную свыше, склонил Степан повинную свою голову и тихо пошел в горницу. Достал из тумбочки пожелтевший конверт, вынул выцветшую от времени фотографию старой женщины, снятой на фоне белой стены их мазанки.

Бог, как известно, в деревенской избе живет не по углам. И как бы ни был грешен человек, а всегда дается ему осуществимость покаяния. Степа, так звали его в детстве, поставил снимок матери на полку перед собой, встал на опухшие от ревматизма колени и неумело перекрестился.

— Мати моя, прости твоего сына. Не могу я тут, забери до себе... — слабым голосом произнес он, посидел на грязном полу, силясь вспомнить свое прошлое, а потом лег на опостылевшую кровать и забылся во сне.

Через день его холодное тело обнаружил сосед, который зашел к нему в дом на жалобный вой голодной собаки.

